

Сербская культура в Воеводине: между Европой и Россией. XVIII век

Инна Лещиловская

Цель настоящей статьи – охарактеризовать систему границ в Воеводине XVIII в. и раскрыть процесс развития сербской культуры в ней на перекрестке культурных влияний.

Положение сербов в Австрийской монархии

1690 год был судьбоносным для значительной части сербского народа. В ходе войны Священной лиги (Австрии, Венеции, Речи Посполитой и с 1686 г. России) против Турции 60000–70000 сербов во главе с Печским патриархом Арсением III Црноевичем переселились с Балкан в Австрийскую монархию. Безудержными и массовыми были сербские эмиграционные волны, связанные с австро-турецкими войнами 1737–1739 и 1788–1790 гг. Мигранты поселились в обезлюженных в ходе войн исторических областях Бачке, Банате, Банате и Среме, в которых истари проживало сербское население.

По Карловацкому миру 1699 г., завершившему победоносную для Священной лиги войну с Турцией, и Пожаревацкому миру 1718 г. эти области были закреплены за Австрией. Ввиду заинтересованности Габсбургов в поселенцах православным были дарованы привилегии, выразившиеся в форме церковно-школьной автономии. Право ее реализации было возложено на сербского митрополита, местопребыванием которого стал город Сремски-Карловци.

В дальнейшем автономия православных Габсбургами постепенно сужалась. Но так или иначе сербы были признаны особым народом в полиэтническом государстве.

В мае 1848 г. в обстановке революции в Австрийской империи сербы на Народной скупщине в Сремски-Карловцах провозгласили исторические области Бачку, Бараню, Банат и Срем самостоятельной административно-политической единицей – Воеводиной. В исторической литературе это название условно употребляется и для более ранних времен. Сербы же с течением времени расселились также в южной части Венгрии, вплоть до Пешта, в Хорватии и даже в Австрии.

В XVIII в. территорию Воеводины населяли не только сербы. Австрийские власти активно проводили ее колонизацию, в результате чего здесь появились в большой массе венгры и немцы, выходцы из Австрии. Это было население с разными верованиями, языками и традициями. Помимо этнической пестроты населения, особенностью положения вышеназванных исторических земель было вхождение их в разные административно-политические единицы государства. Часть их была составной частью Венгрии, Срем вместе со Славонией был под властью хорватского собора и бана. Кроме того, Подунавье разделялось на области гражданского управления и Военную границу – милитаризованную территорию, находившуюся под непосредственным управлением австрийского двора. Наконец, гражданская территория была частью Венгерского королевства, которое на основе феодальной конституции занимало автономное положение в государстве Габсбургов. Таким образом сербы в Австрийском государстве находились в подчинении у австрийских, венгерских и частично хорватских властей. Но они благодаря церковно-школьной автономии сохранили религиозную и культурную целостность с оставшейся в составе Турции большей частью народа. Сербы имели единое культурное пространство.

Система границ в Воеводине и их воздействие на социокультурное развитие сербов

Неоднородная в этническом отношении, мультикультурная, гетерогенная по административному устройству Воеводина была

покрыта границами вдоль и поперек. Это были реальные административно-политические границы – государственная и внутренние административные –, а также ментальные.

Государственная граница между Австрийской монархией и Османской империей после австро-турецкой войны 1788–1790 гг. стабилизировалась на многие десятилетия на линии Дунай – Сава. Это была особая реальность. Австрийская граница была преградой на пути возможного продвижения Турции на Запад. Она ограждала Воеводину от этой опасности. В то же время австро-турецкая граница разделяла Воеводину и Сербию между двумя государствами. Положение на границе не было стабильным. Австрийские власти закрывали ее во время войн с Турцией и эпидемии чумы в ней. Австро-турецкая граница создавала большие трудности для общественного развития сербов. Тем не менее между сербами, поселившимися в габсбургском государстве, и сербами, оставшимися на исконной родине, в Сербии, поддерживались устойчивые личные, родственные, деловые и культурные связи.

Через Подунавье проходили потоки товаров из Османской империи на Запад. В них была немалая доля скота, в особенности свиней, которые перегонялись торговцами Сербии в Австрийскую монархию. Часть скота оставалась в Славонии и южной Венгрии, но основная масса направлялась в наследственные австрийские земли и в Германию. Эти вездесущие сербские торговцы, а также монахи были основными носителями разнообразных связей между сербами по ту и другую стороны границы. Тем самым поддерживалась целостность сербского этноса, которая была первостепенным условием для формирования, при определенных условиях, сербской национальной идентичности.

Что касается ментальных границ, наиболее важная граница была сопряжена с церковно-школьной автономией сербов. Она затрудняла внешние давления на сербскую культуру.

С переселением значительной массы сербов в государство Габсбургов Сербия лишилась наиболее состоятельного, грамотного и активного населения. При этом в Австрийской монархии сложилась более благоприятная обстановка для жизни поселенцев, нежели на Балканах. В силу этих обстоятельств, а также функционирования

государственной границы, культурное развитие разделенных частей сербского народа протекало неравномерно. В Австрийской монархии сложилось сербское культурное ядро, которое вплоть до середины XIX в. доминировало в духовном развитии сербского народа.

Российский фактор и сербская культура

Воеводина была территорией пересечения разных культур, разных внешних влияний. Первые три четверти XVIII в. это было монопольное духовное воздействие России. Такое положение объяснялось родством русского и сербского народов, их религиозной общностью, византийскими истоками культур, традицией церковных связей и близостью исторических судеб – нашествием татаро-монгольских орд на Русь и турецкой агрессией на Балканах.

Российское культурное влияние на сербов осуществлялось прежде всего благодаря массовым поступлениям к ним русской церковной, светской и учебной литературы, а также икон. Ввиду отсутствия у сербов собственной типографии с кирилловским шрифтом, а также их боязни скрытых униатских «диверсий» в продукции других типографий сербы пользовались книгами исключительно российской печати. Российские книги составляли большую часть книжных собраний монастырей и церквей, а также частных библиотек дворян, священников и торговцев. В 1732 г. в 104 церквях и у священников в Среме насчитывалось 1146 книг, из которых 681 были российскими. В 1753 г. при переписи монастырских библиотек в том же крае было обнаружено уже 852 российские книги.¹ В России сербы получали готовый запас литературы.

Книги и иконы попадали к сербам из России в виде дара царей, российского Синода, а также частных лиц. Постепенно нарастал поток книг торговыми путями. Они проходили в двух направлениях. Через Киев и Украину пролегал торговый путь в Австрийскую монархию, другая ветвь шла на Балканы. Но Габсбурги, опасаясь политической активизации сербов в результате укрепления их свя-

¹ *Костић М.* Књиге, књижарство и књижнице Срба у XVIII веку // Српска штампана књига 18 века. Каталог. Нови Сад-Београд, 1963. С. 17.

зей с Россией, периодически закрывали границу государства для ввоза российской литературы (кроме церковной), вплоть до ее конфискации у торговцев при ввозе на территорию Габсбургов. При дороговизне и нехватке книг торговля русскими и украинскими книгами была весьма выгодной, но и опасной. Российские торговцы привозили их в габсбургское государство, несмотря на чинимые австрийскими властями препятствия, используя при этом хорошо поставленную контрабанду, и продавали книги на ярмарках. На Балканах центром российской книжной торговли был Адрианополь, откуда книги расходились по всему полуострову. Но в середине XVIII в. из-за разного рода трудностей российские купцы перестали посещать ежегодные ярмарки в этом городе.²

Среди поступавшей к сербам русской и украинской печатной продукции были музыкальные сборники и певческие книги. К ним примыкали рукописные собрания духовных хоровых концертов – многоголосных хоровых композиций, написанных на известные литургические тексты. Все записи были сделаны русской квадратной нотацией. Бытование этих сборников способствовало развитию певческой культуры у сербов.³

В трудных обстоятельствах жизни сербов российская литература имела особое значение. Прежде всего она была основным источником христианского учения. Обогащая сербов разными знаниями, она способствовала их интеллектуальному и художественному развитию. При слиянии православия с этническим самосознанием сербов российская литература укрепляла их позицию в условиях угрозы потери этнической самобытности.

Использование и восприятие грамотными сербами российских книг облегчались в результате языковой ситуации в сербской литературе. В XVIII в. в ней функционировали три модели языка: церковнославянский язык русской редакции, архаичный язык русской светской литературы и народный сербский. Однако на практике

2 *Лвдыгин Д.М.* Новое приспорье, всякому домоводству на Руси. СПб., 1779. С. 55 и сл.

3 *Петровић Д.* Српска музика и руско-српске културне везе у XVIII веку // Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986.

они обычно в чистом виде не выступали. Формировался смешанный литературный язык, представлявший хаотическое сочетание церковнославянских, русских и сербских элементов. Он получил название «славено-сербского».⁴ Но так или иначе российские книги были понятны сербам.

Во множестве к сербам поступали русские иконы. В XVIII в. в России были развиты народные промыслы по изготовлению как «расхожих» (то есть дешевых), так и дорогих изысканных икон. Главными центрами их производства были известные в православном мире села Мстера, Палех и Холуй во Владимирской губернии. Здесь формировались обозы с иконами, которые разъезжались по всей России и следовали за ее пределы. Маршруты движения икон из России примерно совпадали с путями следования церковных книг.⁵ Русские иконы выполняли не только религиозную, но и художественную функции. Великолепные образцы русской религиозной живописи оказывали воздействие на сербское церковное искусство.

Со второй четверти XVIII в. российское влияние распространялось на сербов также посредством школы. Белградский митрополит Мойсие Петрович (Белград тогда находился под властью Австрии) дважды тайно обращался к Петру I с просьбой о налаживании в его митрополии школьного образования сербов. По распоряжению царя Синод направил в Белград своего переводчика Максима Терентиева Суворова.

Максим Суворов, мелкий дворянин, получил образование в славяно-латинских школах в Москве. Он несколько лет жил в Праге, занимаясь перепиской, а затем переводом книг с немецкого языка. За это время он прошел курс философии. По возвращении в Россию Суворов был известен как образованный человек, знавший языки и знакомый с жизнью славян в Австрийской монархии.

4 Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

5 Тарасов О.Ю. Русские иконы XVIII – начала XX в. на Балканах // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 50, 53, 62–65.

В 1726 г. Суворов открыл в Сремски-Карловцах «славянскую школу», которая по решению митрополита в следующем году переехала в Белград. В ней училось 40 детей. Русский учитель применил методику общеобразовательной школы. Он привез с собой учебники, которые легли в основу обучения. Суворов обустроил школу, и число учащихся достигло 127 человек. Но в 1727 г. ввиду отсутствия помещения для школы она была переведена в Сремски-Карловци. Суворов работал с энтузиазмом. Но учитель испытывал большие трудности. Они были связаны с нехваткой учебников, нерегулярной выплатой жалования, недостатком средств, недоброжелательностью местного духовенства. Когда же в 1730 г. умер Мойсие Петрович, митрополичью кафедру занял Викентие Йованович, в среде духовенства разгорелись распри. В такой обстановке школа пришла в запущенное состояние, и Суворов в 1731 г. покинул Сремски-Карловци.

В 1733 г. к сербам в Воеводину была направлена из России плеяда учителей, выпускников Киево-Могилянской духовной академии. Это были Мануил Козачинский, Петр Падуновский, Трофим Климовский, Георгий Шумляк, Тимофей Левандовский, Иван Ластовицкий и Иван Минацкий. Школа в Сремски-Карловцах объединила низшую и неполную среднюю ступень обучения и была организована по образцу Киевской академии. Но трения среди православной иерархии отрицательно сказывались на ее работе. В 1737 г. школа была распущена, и российские учителя уехали на родину.

Россия помогла переходу сербов от доморощенной грамотности к школьному образованию. В последующие годы в сербских краях учительствовали в разное время отдельные выпускники Киево-Могилянской духовной академии. Школьная реформа Марии Терезии, проведенная в 70-х гг. XVIII в. во всем государстве с целью приближения школьного образования к требованиям времени, решала в числе прочих и политическую задачу ослабления влияния России на сербов в школьном деле.⁶

⁶ Кулаковский П.А. Начало русской школы у сербов в XVIII в. СПб., 1903. С. 78, 79, 80, 109, 123, 125, 154; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 56–58, 63, 79, 80, 85.

Уже в первой половине XVIII в. Сербская молодежь стала отправляться для получения образования в Российскую империю, прежде всего в Киево-Могилянскую академию, которая была знаменитым высшим православным учебным заведением.

В 60-х гг. XVIII в. в результате возраставших духовных потребностей общества и под воздействием внешних факторов начались изменения в сербской культуре Воеводины в духе Нового времени. Расширялась культурная деятельность, появились светские лица с новыми идеями, интенсивнее стала культурная жизнь. При этом сохранялась преимущественная духовная ориентация на Россию.

Обновление духовной жизни связано с именем Захарии Орфелина, одного из самых значительных представителей сербской культуры XVIII в. В его творчестве ярко и весомо проявилось присутствие в нем России.

Захария Орфелин (1726–1785), первый светский профессиональный деятель культуры у сербов, благодаря своим познаниям в области разных наук и искусств раздвинул ее рамки. Он был каллиграфом, рисовальщиком, гравером на меди, писателем, историком, педагогом, журналистом. Живая натура, Орфелин менял места жительства и деятельности, задерживаясь то в Нови-Саде, где долгое время учительствовал, то в Сремски-Карловцах или в Темишваре. Он служил в канцеляриях церковных сановников. Невзирая на административно-политические границы, Орфелин работал в 1764–1770-х гг. ревизором в «греко-православной» типографии предприимчивого грека Димитрие Теодосие в Венеции, а в 1783–1784 гг. был корректором в венской типографии Й. Курцбека, имевшего привилегию на издание книг кириллицей в Австрийской монархии.

Орфелин был личностью, окруженной множеством тайн. В его биографии и творчестве остается немало загадок. Он подписывал лишь церковные сочинения, в то время как светские издавал, как правило, анонимно. Такая практика диктовалась осторожностью автора, поскольку он был в известной мере связан с сербской церковной средой.

Творческая деятельность Орфелина началась с выпуска цельногравированных книг (в том числе собственных сочинений), изготовленных им в своей «медной типографии» в Сремски-Карловцах.

Тогда это было модно в Европе и восполняло отсутствие у сербов типографии. Литературное восхождение писателя произошло в 1762 г., когда он издал в Венеции стихотворение «Плач Сербии». Это было первое печатное произведение на сербском народном языке. И уже этот факт определил его историческое значение.

Жанр «плача» был хорошо известен в южнославянских литературах. Многочисленные «плачи» с антиосманской темой щедро создавались в Венецианской Далмации. Но никогда до Орфелина с такой болью не противопоставлялось блистательное прошлое и трагическое настоящее Сербии, никогда с такой силой не звучала тревога за судьбу сербского народа.

«Чада частью в Турции, повсюду другая –
Стонут тяжко, жалостно, прегорько рыдая!»⁷

Поэт создал впечатляющий образ современной ему Сербии, порабощенной, задавленной, страдающей и темной. Страшно положение сербского народа. И взволнованный голос поэта взывал к современникам, выражая боль за несчастную родину: «Ах, бедная Сербия! Где твоя надежда?» Художественный строй стихотворения вобрал в себя интонации и фразеологию народной песни. И эта перекличка с фольклором усиливала идейное и эмоциональное его наполнение как всенародного плача. Были в нем и элементы барокко. «Плач Сербии» Орфелина в поэтически бедной сербской литературе стал заявкой на поэзию нового идейно-художественного типа.

В зрелые годы Орфелин написал ряд поэтических сочинений. Он существенно обогатил в жанрово-тематическом отношении родную литературу, опираясь в первую очередь на русские источники. Писатель ввел в нее новые поэтические жанры – сонет, эпиграмму, оду, заимствуя оригиналы из русской литературы. Он издал один выпуск первого у сербов и на славянском юге журнала «Славено-сербский магазин» (Венеция, 1768) по образцу русской литературно-научной периодики, включив в него, в частности, нравоучительные материалы российского происхождения. Тем самым было положе-

⁷ Гавриловић З. Антологија српског родољубивог песништва (XIV–XX век). Београд, 1967. С. 49.

но начало светской моралистической литературе у сербов с робкими проявлениями нового взгляда на человека и его место в жизни. Писатель выступил родоначальником сербских справочных изданий в виде календарей. Орфелин был первым сербом, создавшим ряд учебных книг. Он ориентировался при этом на русские учебники.

Орфелин значительно расширил спектр восприятия русской литературы, введя в круг сербского освоения русские сочинения, отмеченные чертами рационализма и классицизма. Контакты писателя с русской письменной культурой имели форму переводов и переложений литературных произведений, использования фактов и идей, заимствования методики учебных пособий и конструкции периодических изданий.

До конца жизни Орфелин продолжал работать в области гравюры. И в этой сфере он нередко воспроизводил русские графические композиции и рисунки. Художник вошел в историю сербского графического искусства как непревзойденный мастер резцовой гравюры в стиле барокко.

Пребывание Орфелина в Венеции пришлось на время подъема в Республике Просвещения, направленного против Римской курии, стремившейся к всевластию в ней. Раздумья о судьбе сербского народа, просветительская атмосфера в Венеции, наконец, духовное тяготение Орфелина к России – все это сказалось на выборе им темы для своего главного труда – исторического исследования о жизни и деятельности Петра I, гениального преобразователя России.

Как свидетельствуют материалы «Магазина», Орфелин к этому времени проникся некоторыми идеями Просвещения, а именно: философией рационализма, отказом от средневекового провиденциализма, осознанием «просвещенного разума» в качестве движущей силы в жизни, а знаний и науки как средств достижения благополучия общества. Он выдвинул этический принцип «общей пользы», ощутил необходимость преодоления элитарности культуры.⁸ Все это были просветительские идеи, но они не сложились в сознании Орфелина в логическую систему. Он выступил предтечей Просвещения у сербов. Такова была мировоззренческая основа труда

8 Славено-сербский магазин. Венеция, 1768. С. 4, 5, 11, 77.

сербского историка о Петровской России Его взгляды подверглись углублению в процессе работы.

В 1772 г. в Венеции вышел из печати фундаментальный труд Орфелина в двух частях «Житие и славныя дела государя императора Петра Великаго». Он был написан на русском языке с сербизмами. Автор издал его анонимно, гражданской печатью, введенной в России Петром I. Содержавшееся в нем посвящение Екатерине II было подписано собственником типографии Д. Теодосие. Долгое время он и рассматривался в науке как автор «Жития». Только во второй половине XIX в. был обнаружен другой вариант этого труда с прямым указанием на авторство Орфелина и с богатыми графическими иллюстрациями, выполненными самим историком. Иллюстрированное издание затерялось в свое время в библиотеках редких монастырей. Лишь в 1887 г. сербский ученый Д. Руварац установил подлинного творца этого сочинения.

По словам автора, он работал над сочинением пять лет. Орфелин опирался на русские источники, российскую и западную литературу по истории и географии России, Европы и Азии. Всего в списке использованных им материалов значилось 46 позиций, ряд из которых включали многотомные издания. Сам автор особо выделял сочинения сподвижника Петра I – вице-канцлера П. Шафировва о Северной войне 1700–1721 гг. и работы члена Петербургской академии наук Г.Ф. Миллера по русской истории.⁹ В труде рационалистическая концепция автора сочеталась с фактами российской истории на основе критического метода, что свидетельствовало о подъеме сербской исторической науки на уровень требований Нового времени. При этом Орфелин был художником по натуре, его восприятие современного мира и истории было окрашено эстетическим чувством. Это сделало его главное творение удивительным синтезом науки и барочного искусства.

После очерка истории России допетровского времени, в котором автор показал, «коль в глубокой тме неучения и беспорядочнаго правления находилась» она,¹⁰ Орфелин представил образ совре-

9 Житие и славныя дела государя императора Петра Великаго. Венеция, 1772. Ч. I. Предисловие, б/с.

10 Там же.

менной ему России. Это страна, необъятная в своих просторах, обладавшая несметными природными богатствами и многолюдная. Автор с восхищением писал о больших российских городах, их своеобразной архитектуре, живой экономической жизни, культурных памятниках и учреждениях. Среди достижений и успехов России автор отмечал подъем науки и образования. Орфелин остановился на добродетелях русского народа, поскольку в его время высокомерное отношение иностранцев к русским оставалось еще фактом реальной жизни и литературы. В двухтомном сочинении сербского исследователя независимая Россия, занимавшая высокое международное положение, играла важную роль в судьбах Европы. В образе России воплотилась основная идея исторического труда Орфелина – идея возвышения Российского государства благодаря преобразовательной деятельности Петра I, руководствовавшегося знаниями и опытом продвинутых европейских народов. Это была великая идея Прогресса.

Орфелин был первым сербским автором, который подробно познакомил соплеменников с современной им Россией. Правда, характер самой эпохи, в которой жил Орфелин, и его личностные черты обусловили по ряду вопросов идеализацию и утопизм в его понимании России. Тем не менее его труд не только внушал сербам уважение к ней, гордость за успехи и достижения родственного народа, но и пробуждал духовные силы сербов для решения собственных внутренних задач.

В центре внимания Орфелина были личность и деятельность Петра I. Автор подчеркнул патриотизм царя как исходную мотивацию его действий. В основе трактовки историком реформаторской политики Петра I лежала принципиально новая для сербских условий просветительская идея силы и могущества совершенного разума. Основное место в труде заняли полководческие успехи и, главное, преобразовательные мероприятия царя. Первым его «старанием», писал историк, была организация регулярной армии, с помощью которой он обеспечил безопасность страны. Затем последовали финансовая, церковная реформы, меры по развитию образования и науки и т.д. Орфелин осознал влияние реформ на весь строй жизни России, но при этом от его внимания ускользнула их противоречивость.

Все в труде сербского историка взывало к преклонению перед гением Петра. Орфелин не скупился на самые возвышенные эпитеты при его имени, называя его «просветителем российским», «преславным полководцем», «отцом отечества», «преславным монархом». Он подчеркивал живой интерес Петра I к новому, широту и глубину его знаний. Большой заслугой Орфелина было углубление образа Петра I, сложившегося ранее на славянском юге как противника Турции. В рассматриваемом труде главное в его характеристике – создание новой, просвещенной России.

Орфелин посвятил свой труд Екатерине II. Сам факт посвящения говорил о глубоком почитании сербским писателем и историком великого государственного деятеля России. Определяя место Екатерины II в истории страны, Орфелин подчеркивал в предисловии, что она «духом Великаго Петра правительствует» и «Петр Великий в Екатерине II воскрес, жив». По мнению автора, Екатерина II довела до высшей точки начатое царем дело возвышения России.

В середине XVIII в. на славянском юге появились писатели и сочинения, нацеленные на пробуждение своих народов от вековой спячки к активной национальной жизни. Это были у далматинских хорватов А. Качич Миошич, у болгар Паисий Хилендарский. Труд Орфелина также входил в эту будительскую струю. Он вызывал волнение в душах грамотных сербов, побуждал задуматься над примером России как модели улучшения жизни. Это не осталось без внимания официальной Вены. Цензура запретила его распространение в государстве.

Но сочинение Орфелина получило признание и резонанс за пределами Австрийской монархии. Автор сумел и успел, невзирая на границы, переправить анонимную монографию в Россию в количестве 400 экземпляров.¹¹ Она была воспринята как труд Теодосие, и через два года в Петербурге «при Императорской академии наук» вышло ее издание с дополнениями и исправлениями М.М. Щербатова и языковой правкой В.А. Троепольского. Сочинение,

11 *Бошков М.* Житије Петра Великог у Бакмајстеровом часопису 1778. године. Прилог проучавању руске рецепције // Споменица о 250-годишњици рођења Захарије Орфелина. Београд, 1976. С. 90, 97.

как это значилось на титульном листе, было «печатано иждивением» петербургского купца С. Копнина и иркутского торговца И. Байбородина.¹² Монография была снабжена русскими издателями 29 иллюстрациями, представлявшими собой старые гравюры и планы. А.С. Пушкин имел в своей библиотеке сочинение Орфелина в оригинале, первую его часть, вторая, по-видимому, была потеряна. Поэт использовал его в ходе работы над историей Петровского времени.

Исторический труд Орфелина, окрашенный выразительными приемами барокко, стал одной из вершин интеллектуального и эстетического развития сербов в полном динамизма XVIII в.

Другой крупной личностью в истории сербской культуры XVIII в. был писатель и историк Йован Раич (1726–1801). Его духовное становление было связано с Россией. Сын общинного пастуха, родом из Сремски-Карловцев, он по окончании школы пешком отправился в 1753 г. в Киев для получения высшего православного образования. Во время учебы в Киево-Могилянской академии молодой Раич испытал влияние церковного сановника петровского времени, писателя Феофана Прокоповича. По возвращении на родину он задумал написать историю славян. В поисках материала для этого труда Раич вновь посетил Киев. Вернувшись в Сремски-Карловци, он некоторое время работал преподавателем, но вступил в конфликт с окружением митрополита и был вынужден оставить должность. В 1772 г. под влиянием жизненных невзгод Раич принял монашеский постриг в монастыре Ковиле близ Нови-Сада. Он стал игуменом, а затем архимандритом монастыря. Положение определило консервативный строй взглядов этого человека.

Раич был у сербов непререкаемым авторитетом в области богословия, видным церковным писателем. Он был отмечен наградами. Австрийский монарх Леопольд II отметил его заслуги дорогостоящим архимандритским крестом на золотой цепи.

Особое значение в истории сербской культуры получили светские сочинения Раича. В 1791 г. он издал в Вене аллегорическую поэму «Бой змея с орлами» на народном сербском языке. В ней

12 Житие и славныя дела Петра Великаго. СПб., 1774. Преуведомление.

были воспеты победы австрийского и русского оружия в ходе войны против Турции 1787–1791 гг. Это сочинение по идейно-тематическому содержанию, языку и художественным приемам принадлежало новой сербской литературе.

Раич создал также фундаментальный труд «История разных славянских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забвения изытая и во свет исторический произведенная». Историк написал его на архаичном русском литературном языке и закончил в 1768 г. Однако автор издал его в четырех томах в Вене лишь в 1794–1795 гг. В числе многочисленных источников и сочинений Раич использовал российскую литературу, он неоднократно обращался также к русским сюжетам. Связи Раича с Россией приведенными фактами не ограничивались. В своей литературной практике он обращался к творчеству А. Кантемира.

Выход из печати фундаментального исторического труда Раича стал крупным культурным событием в жизни сербов. В нем на широком источниковом материале была изложена исполненная величия и в то же время трагизма история сербов на фоне прошлого южнославянских и других народов. До середины XIX в. это было главное сочинение, из которого сербы черпали знания по истории своего народа, а писатели – сюжеты для своих произведений. Труд предоставил общественным деятелям документальный материал, который обосновывал право сербов на самостоятельную жизнь и достойное положение.

«История» Раича получила широкий резонанс. Тотчас после ее выхода в России был опубликован первый том, показавший целостность славян и нерасторжимость их прошлого. Екатерина II одарила автора золотым медальоном со своим изображением.¹³

Россия привлекала также внимание других сербских авторов.

13 *Радојчић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952; *Рајић, Јован.* Живот и дело. Београд, 1997.

Сербское Просвещение в культурном контексте Запада и России

Колоссом сербской культуры XVIII в. был Досифей Обрадович (1740–1811). Он заявил о себе как последовательный сторонник идей Просвещения у сербов и стал наиболее ярким представителем этого идейно-культурного направления на Балканах в целом.

Обрадович родился в Темешварском Банате (теперь в составе Румынии) в семье скорняка и мелкого торговца. Рано осиротев, Досифей в юности принял монашеский постриг в монастыре Хопово в Среме. «Имея непрестанно в голове и на сердце Киев, Москву и Россию», – писал он впоследствии,¹⁴ молодой человек в надежде получить образование в России в 1760 г. бежал из монастыря. Однако Семилетняя война в Европе перекрыла границы, и Досифей не смог добраться до России. Так граница круто изменила его намерения, и он в поисках православного образовательного заведения отправился на Балканы. Обрадович объехал и обошел пешком Балканы, пока не добрался до города Смирны в Малой Азии. Здесь в богословской греческой школе он получил желанное классическое образование. Досифей был молод, независим, живя частными уроками, свободен от житейских уз, и жажда знаний привела его сначала в город Модру в Словакии, который был центром словацкого рационализма, а затем в Вену.

70-е годы XVIII в. стали переломными в идейном развитии Обрадовича. Он провел в австрийской столице, по его словам, «шесть полезных и радостных лет».¹⁵ Это было время реформ Марии Терезии. Пребывание в Вене вовлекло его в мир западноевропейской культуры. Затем судьба привела сербского монаха в Галле, где он слушал лекции в университете, славившемся в Германии своим свободомыслием. Здесь, расставшись с монашеской одеждой, Обрадович с ментальностью светского человека духовно приобщился к западному Просвещению. У него сложились представления о куль-

14 *Обрадовић Д.* Сабрана дела. 1811–1961. Београд, 1961. Т. I. С. 153.

15 Там же. С. 226.

турном подъеме сербского народа. Он переехал в Лейпциг, где имелась типография с кирилловским шрифтом, и, продолжая занятия в местном университете, в 1783 г. издал свои программные сочинения: «Письмо Харалампию» и первую часть «Жизни и приключений Димитрие Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные».

Эти сочинения были проникнуты свободомыслием. В «Письме» была сформулирована программа преобразования сербской культуры. Свершилась идейная эволюция Обрадовича от экзальтированного монаха до убежденного сторонника Просвещения.

Затем последовали книги «Советы здравого разума» (1784); вторая часть «Жизни и приключений» и «Басни» (Лейпциг, 1788); «Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение» (Вена, 1793); «Этика» (Венеция, 1803). Вторая часть «Собрания» была издана посмертно в 1818 г. в Буде учеником и последователем писателя П. Соларичем под названием «Мезимац» (сербск. – младший, любимый сын). Обрадовичу принадлежали и другие, менее значительные произведения.

Постоянный поиск нового, желание узнать и увидеть лучшее, что создали человеческие мысль и труд, сложившаяся просветительская позиция Обрадовича были побудительными причинами его многочисленных путешествий. Европейские мыслители Просвещения, в частности Дж. Локк и Ж.Ж. Руссо, доказывали необходимость и пользу путешествий для повышения образования и воспитания человека. Обрадович объехал всю Европу от Лондона до западных областей России, от Балтики до Адриатического и Черного морей. Он долгое время жил в Вене, Париже и Лондоне. И границы, судя по всему, не были препятствием для этих поездок.

Центральное место в сознании и практике Обрадовича занимало преобразование сербской культуры, задачей которой он считал подъем интеллектуального и нравственного уровня сербского народа. Его волновали две взаимосвязанные проблемы общественного развития: освобождение сознания от консервативной силы традиций и распространение знаний в широких слоях сербского населения. В поле его зрения были «все сербские сыновья и дочери, от

Черногории до Смедерево и до Баната».¹⁶ В этой позиции проявился глубокий демократизм сербского просветителя.

Главную роль Обрадович отводил литературе. Писатель внес вклад в ее развитие прежде всего своей непреклонной убежденностью в необходимость и возможность установления в ней языкового единства на основе народного языка сербов и практической реализацией этого постулата в своем творчестве. Он издавал свои сочинения только на народном языке и гражданским шрифтом, хотя литературный язык самого писателя не был свободен от славизмов. Начавшийся перевод сербской литературы на народный язык стал самым крупным событием культурной жизни сербов в XVIII в.

Писатель пропагандировал в своих сочинениях просветительские идеи: философский деизм, теорию «естественного права», принцип «общей пользы», неукротимую веру в «просвещенный разум», убежденность в общественной силе наук и образования и, главное, Свободу духа. «Думай, суди, рассуждай и познай!» – призывал писатель своих соплеменников.¹⁷ Он первый признал значение национального самосознания для общественного развития сербов и упрочения их положения. Ему принадлежали крылатые слова: «Пребывает и будет пребывать вовеки в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость».¹⁸

Много внимания Обрадович уделял сербской православной церкви. Будучи человеком глубоко религиозным, он в то же время беспощадно критиковал негативные стороны церковной жизни (невежество духовенства, побора с простого народа, излишество церковных праздников и др.). Особенно это касалось монашества, которое писатель рассматривал как олицетворение средневековья. Выступая против монашества всех религий, сербский просветитель объявлял этот средневековый институт противным «здравому разуму» и «общей пользе». Обрадович был принципиальным сторонником ликвидации монастырей и обращения их имущества на благо народа. Книги писателя были полны протеста против цер-

16 Там же. С. 63.

17 Там же. С. 164.

18 Там же. С. 323.

ковного фанатизма, религиозных гонений и нетерпимости. «Не разделять людей нужно, а соединять их», – заявлял он.¹⁹ В то же время просветитель видел в лице образованных священников «мудрых советчиков, учителей и наставников общества».²⁰ Однако воодушевленный западным Просвещением Обрадович недооценивал в сербских условиях значение монашества, житий святых, мощей и прочих церковных реликвий для сохранения коллективной исторической памяти сербов, хотя и в церковном варианте.

Мировоззрению Обрадовича, как, впрочем, и европейскому Просвещению в целом, была свойственна утопия. Она, в частности, состояла в абсолютизации наук и знаний как главного фактора прогресса. Но это была благородная утопия, направленная на улучшение жизни сербского народа.

Просветительский принцип «всемирности», вытеснявший теологический «универсум», открыл путь реальному сближению сербов с другими европейскими народами. В центре этого процесса находился Досифей Обрадович. В его творчестве полностью оригинальными были лишь сочинение мемуарного жанра «Жизнь и приключения» и некоторые другие произведения. Остальные книги представляли переводы, компиляции и свободные переработки сочинений западных авторов. Отражением широких духовных связей сербского писателя с европейской литературой, философией и историографией было упоминание в его книгах многих интеллектуалов Запада. Это были немецкие поэты М.Х. Виланд, Х.Ф. Геллерт, романист А. Халер, драматург А. Коцебу, историк искусства Й.Г. Сулцер, историк Т.М. Шрек, физики Г.Х. Раф и Борн, популярный философ Апт и др. Обрадович впервые у сербов обратился к английской философии и литературе. В его сочинениях значились Дж. Локк, Ф. Бэкон, Дж. Свифт, Ф. Честерфилд, С. Ричардсон, Дж. Аддисон, В. Нокс, И. Ньютон и пр. Обрадович называл Х. Колумба и Г. Галилея, Н. Коперника и Ф. Петrarку.

Создавая дидактическо-моралистические произведения, Обрадович опирался на европейскую литературу прошлого и настоящее

19 Там же. С. 117, 119, 123, 156, 178, 333, 548–549 и др.

20 Там же. С. 460.

го. В сборник басен, снабженный «нравоучительными полезными разъяснениями и наставлениями», писатель включил прозаические переводы и переработки басен Эзопа, Федра, Лессинга, Лафонтена и других авторов. Он широко использовал нравоучительные материалы из немецких, но особенно из популярных английских журналов Дж. Аддисона, Р. Стиля, С. Джонсона и О. Голдсмита. Создавая свою «Этику», писатель освоил систему итальянского просветителя Ф. Соавы.

Обрадович переводил из французской и немецкой художественной и морализаторской литературы. Это были две повести Ж.Ж. Мармонтеля, открывшие для сербской литературы жанры малой эпики, ранняя комедия Г.Э. Лессинга «Дамон», проповеди одного из самых известных протестантских деятелей в Германии XVIII в. Г.И. Цоликофера. Обрадович существенно расширил тематику литературных произведений, в том числе за счет изображения во второй части «Жизни и приключений» отдельных сторон европейской жизни.²¹

Литературными формами связи сербского писателя с Европой не ограничивались. Залогом того были его многочисленные путешествия по разным странам. Это были избирательные восприятие и освоение культурного опыта Европы, продиктованные просветительской позицией автора.

Обрадович решительно раздвинул горизонты сербской культуры, обогатив ее европейскими достижениями. Но это не означало разрыва писателем традиционных связей ее с Россией. Он придал им новое содержание и характер. Если в 50-е годы Обрадович воспринимал Россию сквозь призму церковно-проповеднической литературы, то с начала 80-х годов – под углом зрения идеалов Просвещения. В поле зрения сербского писателя постоянно находилась Россия со всей притягательной мощью ее культуры и балканской политики.

Еще в молодые годы Обрадович испытал сильное влияние Духовного регламента Петра I от 1721 г. Он содействовал форми-

21 О связях Обрадовича с западной литературой и журналистикой см. обстоятельные примечания к собранию сочинений писателя.

рованию критического взгляда будущего писателя в церковно-религиозном вопросе и пониманию общественной важности народного образования. Позднее в сложной литературно-языковой ситуации у сербов он использовал опыт России для обоснования перевода сербской литературы на народный язык. В своей писательской практике Обрадович прокладывал путь созданию единого сербского литературного языка, каким шло развитие русского литературного языка. Чрезвычайно важным обстоятельством, наложившим печать на творчество, а затем и на политическую деятельность Обрадовича было понимание им положительных результатов политики России для подвластных Турции народов. На протяжении всей жизни писателя привлекали эпоха и личность Петра I. Вслед за Орфелиным сербский деятель уделил основное внимание преобразовательной деятельности русского царя. Кратко и глубоко он охарактеризовал основные реформы Петровской эпохи. Обрадович называл Петра I «бессмертным законодателем и просветителем российским».²²

Сербский писатель использовал в сочинениях российский материал для обоснования своих просветительских взглядов. Особенно часто он обращался к нему в «Баснях», наиболее зрелом и известном его произведении, изданном тотчас по возвращении писателя из России. Он посетил западные окраины России по приглашению серба генерала С. Зорича. Это был «выбывший из случая» фаворит Екатерины II. Он превратил свое имение Шклов, где постоянно поселился, в культурный очаг, который посещала и петербургская знать. Здесь он создал кадетское училище, в котором в течение полугода в 1788 гг. преподавал Обрадович.

После поражения Австрии в войне с Турцией 1788–1790 гг., за которым последовала жестокая расправа османских войск над Сербией, Обрадович, разочаровавшись в балканской политике Габсбургов, утвердился в мысли, что только Россия является подлинным союзником сербов в борьбе за национальное освобождение.

Всеми помыслами и делами Обрадович был обращен к простому народу – сербским земледельцам и пастухам. «Я долгое время жил среди крестьян, да и мои прародители со стороны отца и мате-

22 *Обрадовић*. Сабрана дела. Т. II. С. 323.

ри были крестьянами, – писал он, – поэтому они для меня родные, милые и дорогие, и я стремлюсь, насколько могу, быть им полезным».²³ Писатель выразил чувство гордости принадлежностью к простому народу и горячее участие в его судьбах. Он подтвердил свою позицию в годы Первого сербского восстания.

В 1804 г. в Сербии разгорелось всенародное восстание за освобождение от власти Турции. С первой вестью о нем Обрадович приветствовал его стихотворением «Песня о восстании сербов» (Венеция, 1804). Писатель участвовал в организации материальной помощи повстанцам в Триесте, где он жил последние годы, и сам дал половину своих сбережений. Желание быть вместе с народом в это судьбоносное для сербов время, с одной стороны, и вера в Россию, с другой – стали побудительными мотивами для пожилого и больного писателя к переезду из Триеста в повстанческую страну.

Во время долгого ожидания в Среме разрешения австрийских властей на выезд Обрадович в 1806 г. нелегально посетил Сербию, где встретился с вождем повстанцев Карагеоргием и воеводами. Это было накануне турецких переговоров о мире. В конце года, когда началась русско-турецкая война, писатель ездил по поручению Правительствующего совета, одного из центральных органов восстания, с ответственной миссией в Бухарест, в главную квартиру русских войск, где вел переговоры с командующим Молдавской армией генералом И.И. Михельсоном о помощи сербам. Российское правительство высоко оценило деятельность Обрадовича на благо «соотчичей своих славяно-сербов», наградив его золотым крестом.

В августе 1807 г. Обрадович приехал в Белград. Это было актом высокого духа и большого мужества писателя. Человек европейской образованности, духовно сложившийся в интеллектуальной и художественной атмосфере Вены, Лейпцига, Парижа и Лондона, переехал в страну, охваченную войной, практически неграмотную, с преобладавшим влиянием сельской патриархальной культуры и жестокими нравами востока.

В освобожденном Белграде Обрадович стал главным советником Карагеоргия в вопросах внешней политики Сербии. В обста-

23 Там же. С. 227.

новке острой борьбы в руководстве восстанием за ее ориентацию Обрадович твердо и неколебимо стоял за союз повстанческой Сербии с Россией. Он взял на себя также воспитание сына Карагеоргия Алексы. Обрадович принимал участие в решении самых существенных вопросов восстания как авторитетное лицо, с мнением которого весьма считались. При этом он не получал никакого содержания, но жил на свои скромные сбережения и чужой помощью. Лишь в 1810 г. он стал членом Правительствующего совета, что несколько улучшило его материальное положение. Обрадович был также назначен попечителем просвещения. Он основал богословское училище для подготовки священников.

В конце 1810 г. Обрадович как член Совета в составе сербской делегации принимал участие в переговорах с Н.М. Каменским, новым главнокомандующим Молдавской армией, о совместной вооруженной борьбе сербов и России против Турции. По возвращении из Бухареста, где шли переговоры, в Белград Обрадович в 1811 г. скончался.

Жизненный путь Досифея Обрадовича от православного монаха, затем сельского учителя, до главы национального Просвещения, наконец, видного деятеля всенародного восстания был путем идейного и нравственного восхождения. Побудительной силой этого возвышения были патриотизм и решительный демократизм сербского мыслителя, писателя, педагога. «Род мой люблю всем сердцем и душой», – писал он.²⁴ Это был достойный сын трудолюбивого, талантливое и героического народа.²⁵

Первое сербское восстание открыло новую историческую эпоху в жизни сербского народа. Культура сербов получила мощный импульс к подъему и преобразованию на основе новых идеалов и ценностей. Все это было подготовлено духовным потенциалом сербов XVIII в.

24 Там же. Т. I. С. 289.

25 В статье использованы материалы из книги: *Лециловская И.И.* Сербская культура XVIII века. М., 1994.

Заключение

В российской науке признается существование как политико-административных, так и ментальных границ. В Воеводине XVIII в. имели место те и другие. Государственная австрийская граница с Турцией играла противоречивую роль в общественном развитии сербов в Воеводине. С одной стороны, она ограждала сербов, проживавших в Австрийской монархии, от возможного вторжения Турции и восстановления былого османского господства над ними. С другой – австро-турецкая государственная граница разделяла территорию проживания сербского народа между двумя государствами, принадлежавшими к разным, исламской и христианской, цивилизациям. Это отрицательно сказывалось на формировании сербской идентичности Нового времени.

Внутренние административные границы на востоке Австрийской монархии дробили сербское население между австрийскими, венгерскими и хорватскими властями, что затрудняло функционирование общего культурного пространства сербов.

Ментальные границы, действовавшие на основе принципа «свой – чужой», в условиях Воеводины были прозрачными для восприятия сербами культурных ценностей, отвечавших их потребностям. При этом границы церковно-школьной автономии защищали сербскую культуру от внешнего давления.

Процесс развития сербской культуры в Воеводине был сложным, не в последнюю очередь в результате разнонаправленных внешних влияний – Запада и России. В XVIII в. главной сторонницей России у сербов была православная церковь. В светском сегменте культуры носителем русской культурной ориентации выступал в первую очередь выдающийся деятель культуры Захария Орфелин. С его именем было связано начало преобразования сербской культуры на началах рационализма и соответствовавших ему ценностных ориентиров. Другим крупным представителем сербской культуры был архимандрит Йован Раич, в поэтическом и историографическом творчестве которого присутствовала Россия.

С выступлением в начале 80-х гг. в печати писателя Досифея Обрадовича широко раздвинулись духовные горизонты сербов. Он

преодолел на ментальном уровне границу, отделявшую сербский народ от католической и протестантской культур. Обрадович соединил в своем творчестве культурный опыт Запада и России и приобщил сербскую культуру к общеевропейскому течению Просвещения.